

ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

С.Н. ЛЕВИН, д.э.н., профессор,
Кемеровский государственный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА: МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ «МЕЙНСТРИМА» И ХАРИБДОЙ «ДЕЭКОНОМИЗАЦИИ»

Институциональная экономическая теория нуждается в четком определении своих базовых понятий, предметного поля и места в структуре экономической науки и всего современного обществоведения. «Размытость» основных понятий, включая базовое понятие «института», качественные различия между традиционным институционализмом и новой институциональной экономической теорией, ярко выраженная междисциплинарность многих институциональных исследований порождают серьезные вопросы¹. В этой связи показательна позиция Н. Макашевой, которая видит в увлечение институционализмом в России (и можно добавить на постсоветском пространстве в целом) способ примирения самым различных методологических подходов и свидетельство незавершенности процесса формирования в экономической науке ситуации «нормальной» парадигмальной науки (в смысле концепции Куна)².

Появление статей В.В. Дементьева и В.В. Вольчика свидетельствует об активном поиске внутри сообщества постсоветских институционалистов ответов на вышерассмотренные методологические проблемы³.

В настоящее время объединяет представителей различных направлений институциона-

лизма преимущественно объект исследования. При этом НИЭТ в лице таких своих направлений, как «теория контрактов», «экономика и право», «теория общественного выбора» быстро интегрируется в мейнстрим, выступая как расширенная и модифицированная версия неоклассики. В этой связи В.В. Вольчик обращает внимание на то, что «срачиваясь с неоклассикой, институционализм перестает быть собственно институционализмом. Он теряет свои предпосылки и принципы: реалистичность, описательность, историчность, психологизм и социальную антропологичность»⁴. В то же время высоко оценивается междисциплинарность институциональных исследований: «Институциональная наука может рассматриваться как та метатеория, которая может объединять различные социальные науки, тем не менее, сохраняя их отличительные особенности и предметные области исследований»⁵. Однако представляется, что как раз четкое определение специфического предмета и метода институциональной экономической теории представляется наиболее важной проблемой. При нерешенности этой проблемы вполне реальной оказывается перспектива развития, на вероятность которой обращает внимание такой исследователь, как А. Либман. Он считает, что «... в ближайшие десятилетия можно будет наблюдать исчезновение «неортодоксальной экономики» в ведущих странах Запада и ее перемещение в сферу факультетов социальных и политических наук (как это происходит со старым институционализмом, марксистскими школами, теорией регуляции, экономикой соглашений) или интеграцию с неоклассикой, прежде всего неинституционализмом (теория экономических порядков), на условиях последней»⁶.

¹ См., например: Московский А. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики // Вопросы экономики – 2009 – №3 – С.110-124.

² Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х-1990-е гг.): революция и рост научного знания // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса [Текст] / редкол. : Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Ананьин (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др. – М.:Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2006. – С. 418-423.

³ Вольчик В.В. Институционализм: торжество междисциплинарности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований) – 2009 – Т.1, №1. – С. 73-78.; Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институт // TERRA ECONOMICUS – 2009 – Т.7, №1. – С. 13-30.

⁴ Вольчик В.В. Указ. Соч. – С.73.

⁵ Вольчик В.В. Указ. Соч. – С. 78.

⁶ Либман А. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики – 2007. – №3. – С. 50.

Это означает, что институциональная экономическая теория оказывается в роли поставщика идей, с одной стороны, для мейнстрима, который все в большей мере включает в свой состав новую институциональную экономическую теорию, и для современной социологии и политологии – с другой. При этом институты превращаются в объект исследования всех социальных наук, однако сама институциональная экономическая теория оказывается перед угрозой исчезновения как самостоятельная исследовательская программа. Метафорически выражаясь, она оказывается между Сциллой «мейнстрима» и Харибдой «деэкономизации».

Предмет институциональной экономической теории

При всем многообразии определений понятия институт в экономической теории и социологии практически все они сходятся в том, что институты выступают формой социального взаимодействия, структурирующей поведение индивидов в обществе. В этой связи можно согласиться с В.В. Дементьевым, который на основе анализа существующих многообразных подходов к данной научной проблеме пишет: «Институты – это определенный общественный механизм, представляющий собой определенную совокупность действий одних людей, направленные на поведение других, принуждающих последних к определенному типу поведения и имеющие своим результатом определенную устойчивую социальную структуру или организацию»⁷. Трактовка института как формы социального взаимодействия может служить исходным пунктом для определения границ предметного поля институциональной экономической теории. Решение этой задачи включает:

Во-первых, *определение её места в структуре современной экономической науки.*

Во-вторых, *характеристику специфики её предмета в рамках междисциплинарного по своей сути анализа институциональной структуры общества.*

В рамках экономической науки необходимо четко позиционировать институциональную экономическую теорию в её отношении к двум полярным направлениям экономической науки: неоклассике, с одной стороны, и марксистской политэкономии, с другой. Обе эти кон-

цепции исходят из того, что существуют относительно жесткие механизмы взаимосвязи между производством и распределением, в основе которых лежат либо затраты труда, либо предельная производительность факторов производства. В марксистской теории затраты труда, которые распадаются на необходимый и прибавочный труд, определяют стоимость произведенной продукции, выступающей в модифицированной форме цены производства. Рабочий класс получает эквивалент стоимости рабочей силы, прибавочная стоимость достается капиталистическому классу, который использует её для дальнейшего накопления. В неоклассической теории факторы вознаграждаются в соответствии со своей предельной производительностью, что определяет относительные цены на экономические ресурсы. При этом они используют разные исходные абстракции. Неоклассика, следуя принципу методологического индивидуализма, оперирует моделью «экономического человека», выступающего как совершенно рациональный индивид с экзогенными и устойчивыми предпочтениями. Марксистская политэкономия последовательно выступает с позиций методологического холизма, рассматривая экономических субъектов как персонификацию общественных отношений.

Таким образом, необходимо отметить, что неоклассику и марксистскую политэкономия объединяет высокий уровень абстрактности анализа экономической системы. Достигнутая степень абстрагирования оказывается чрезмерной, поскольку во многих случаях снижает реалистичность анализа. У. Мьяки выделяет две формы абстракции (теоретической изоляции): горизонтальную и вертикальную⁸. Чрезмерная вертикальная абстракция неоклассики и марксистской политэкономии заключается в том, что анализ ведется на высоком уровне абстракции, при этом реалистичность исходных абстракций не проверяется процессом вертикальной деизоляции, восхождением от конкретного к абстрактному в другой терминологии, что предполагает движение от эмпирических исследований типичных случаев (case studies) к обобщенным теоретическим моделям. В рамках мейнстрима отказ от такого обоснования реалистичности исходных абстракций получил развернутое обоснование,

⁷ Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институт // TERRA ECONOMICUS – 2009 – Т.7, №1. – С. 27.

⁸ Мьяки У. Является ли Коуз реалистом? // Истоки: экономика в контексте истории и культуры / Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред), О.И. Ананьин и др. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 91.

прежде всего в методологических работах М. Фридмана⁹. В рамках марксизма чрезмерность достигнутой степени вертикальной абстракции наиболее ярко проявилась в создаваемых в свое время в отечественной науке системах категорий и законов «политэкономии социализма», представляющих собой теоретические сложные, но при этом преимущественно нормативные идеальные конструкции, которые довольно слабо коррелировали с реалиями советской экономики и социума.

Чрезмерная вертикальная абстракция служит основанием для избыточной горизонтальной абстракции, связанной с исключением из анализа факторов общественной жизни, являющихся необходимыми для получения реалистической картины функционирования и развития экономики. Для неоклассики характерно исключение из анализа всего социального контекста экономического выбора. Для марксистской политэкономии проблем индивидуального и группового выбора, поскольку люди рассматриваются преимущественно как персонификация общественных отношений, чье поведение в экономике определяется объективно сложившимися производственными отношениями, соответствующими определенному этапу развития производительных сил.

Высокая степень вертикальной и горизонтальной абстракции, достигнутая в двух исторически конкурировавших исследовательских программах: неоклассике и марксистской политэкономии, приводит к тому, что в обоих случаях многообразие экономических и социальных порядков, складывающихся на различных территориях и в разные периоды развития, оказываются либо вне их внимания, либо на периферии анализа. Они полностью либо частично абстрагируются от роли исторического «пространства» и «времени». В исходном варианте неоклассики такое абстрагирование выступает в наиболее ярком виде. Ее модели носят эргодичный характер, поскольку прошлое, настоящее и будущее описывается при помощи одной и той же функции вероятностных распределений¹⁰. Пространство либо полностью отсутствует в моделях точечного

рынка, либо появляется исключительно в своем физическом аспекте в виде транспортных издержек. В результате мы получаем картину экономики, в которой «история», т.е. исторически сложившиеся в разное время и на разных территориях институциональные структуры не имеют «значения», в том смысле, что они не влияют существенно на рациональное поведение экономических агентов.

В марксистской политэкономии концентрация на раскрытии всеобщих закономерностей развития социально-экономических систем ведет к тому, что проблемы многообразия экономического пространства отодвигаются на периферию исследования, а историческое время рассматривается преимущественно на «мегауровне» через смену формаций и способов производства.

Исходя из вышесказанного, можно выделить *специфику предметного поля институциональной экономической теории, связанную со снижением уровня абстракции (теоретической деизоляции) до уровня анализа многообразных экономических порядков, складывающихся в различных цивилизационных макрорегионах и странах на различных стадиях их социально-экономического развития*. Это означает рассмотрение экономического действия во взаимосвязи с социальным контекстом, что ведет к пересечению предметного поля институциональной экономической теории с рядом других общественных наук, прежде всего с социологией и политологией. Объективной основой для *разграничения предметных полей различных общественных наук выступает специфика современного модернизированного общества*. Для него характерно превращение различных сфер жизни общества (экономической, социальной, политической и др.) в относительно самостоятельные подсистемы, но при этом связанные отношениями взаимозависимости. Такая специфика современного общества получило теоретическое отражение в рамках экономической науки в германском ордолиберализме с его идеями взаимозависимости (интердепенденции) хозяйственного, правового и политического порядков¹¹,

При этом экономика превращается в важ-

⁹ Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. – 1994. Вып.4. – С. 20-52.

¹⁰ См., например: Розмаинский И. Методологические основы теории Кейнса и его «спор о методе» с Тинбергеном // Вопросы экономики. – 2007. – №4. – С.32.

¹¹ См., например: Рёнке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неолиберализм: Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – С. 136.

нейшую сферу, во многом определяющую общие параметры совокупного общественного порядка, поскольку именно социально-экономические различия превращаются в основной источник стратификации общества. Люди в современных условиях выступают как персонализация экономических ресурсов, образуя социальные структуры классового типа. С другой стороны, поведение человека задается определенными институциональными хозяйственными обстоятельствами: пространственно-территориальными условиями взаимодействия, определенной сложностью природно-климатических условий, степенью враждебности геополитического и геоэкономического окружения, существующими этническими и религиозными стереотипами поведения, их разнообразием и механизмами согласования друг с другом. Они определяют страновую специфику поведения в рамках социально-классовых групп и принципов взаимодействия между ними. В действии этих факторов проявляется взаимосвязь порядков, влияние исторически сложившейся социальной и культурной специфики страны на поведение экономических субъектов.

Современный общественный порядок выступает как институциональная система, состоящая из автономных подсистем, связанных отношениями взаимозависимости. Из этого вытекает междисциплинарность объекта институционального анализа и необходимость сочетания методов различных социальных наук. В то же время институциональная экономическая теория имеет *специфический предмет исследования: экономический (хозяйственный) порядок, природа которого определяет приоритет специфических методов экономического анализа в процессе его исследования. Соответственно, сохранение и развитие институциональной экономической теории как самостоятельной исследовательской программы объективно требует рассмотрения особенностей её предмета и метода во взаимосвязи друг с другом, в единстве онтологической и гносеологической сторон.*

«Системная парадигма» Я. Корнаи и «институциональная политическая экономия»

«Системная» парадигма Я. Корнаи¹² и манифест «К созданию институциональной

политической экономии»¹³ выступают как две пересекающихся концепции формирования рамочных параметров альтернативной мейнстриму исследовательской программы.

Первый подход исходит из гносеологической стороны проблемы, выделяя общие рамочные параметры, объединяющие теоретические концепции, выступающие как альтернатива мейнстриму. Я. Корнаи выделяет в качестве таких параметров следующие основные положения:

1. Анализ системы как единого целого, включая взаимосвязи между этим целым и его частями.

2. Междисциплинарный характер исследования. Экономика рассматривается во взаимосвязи с другими сферами жизни (политикой, культурой, идеологией). Это предполагает использование в дополнение к методам различных направлений экономической теории инструментария и результатов социологии, политологии и других общественных наук.

3. Приоритет перед рассмотрением событий и процессов исследованию институтов, управляющих этими событиями и процессами. При этом институты трактуются широко и берутся во взаимосвязи друг с другом. Это означает рассмотрение экономических, социальных институтов, норм права и морали как элементов целостной интегральной структуры, характерной для данной системы. Особое значение в рамках системной парадигмы придается выделению системно-специфических характеристик функционирования общества, не зависящих непосредственно от разного рода изменчивых и специфических обстоятельств (например, личности политического лидера, текущей политической и экономической ситуации, влияния мировой конъюнктуры и др.).

4. Рассмотрение индивидуальных предпочтений как преимущественно заданных социальной системой. Такой подход базируется на представлении о том, что предпочтения индивида и возможности свободного выбора определяются качественными параметрами системы.

5. Признание наличия у каждой системы внутренне присущих ей недостатков (дисфункций). Это означает, что каждая из них представляет собой противоречивое единство достоинств и недостатков. Поэтому вопрос о пред-

¹² См.: Корнаи Я. Системная парадигма // Общество и экономика. – 1999. – №3-4. – С.85-96.; Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. – 2002. – №4. – С.4-22.

¹³ Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. 2008. Т.9. №3. - <http://www.ecsoc.msses.ru>

почтительной для того или иного общества экономической и социальной системе может быть решен только путем сравнения с другими реальными альтернативами, причем имеющимися в данный исторический период. Отсюда вытекает следующая черта сравнительной парадигмы.

6. Широкое использование среди методов исследования исторического и сравнительного анализа. Это означает, что свойства любой системы рассматриваются в контексте её исторического развития и при этом сравниваются со свойствами других систем.

«Системная парадигма» носит в отличие от неоклассической исследовательской программы принципиально гетеродоксный характер. Она выступает в роли специфического «открытого кода», позволяющего интегрировать различные теоретические подходы. Их общность заключается в рассмотрении индивидуального и коллективного экономического поведения как «социально укорененного» в складывающихся в ходе исторической эволюции институциональных системах. Именно поэтому принципы системной парадигмы могут служить методологическими основаниями альтернативной мейнстриму «институциональной экономической теории».

«Встречный» по своему характеру проект формирования «институциональной политической экономии», объединивший представителей комплекса альтернативных мейнстриму экономико-теоретических и экономико-социологических концепций, строится на примате онтологического подхода к проблеме. В подписанном ими Манифесте сделана попытка содержательной характеристики предмета анализа. Исходным пунктом выступает характеристика экономического действия¹⁴:

Во-первых, как вбирающего политический контекст. Это означает трактовку экономической науки как дисциплины, тесно связанной с общей социальной теорией, а также с политической и моральной философией.

Во-вторых, как существующего только в соответствующих институциональных формах. При этом подчеркивается, что экономические институты самым тесным образом переплетены с политическими, юридическими, социальными и этическими нормами, а институциональная политическая экономия выступает за возрожде-

ние интегрированного подхода и анализ взаимного проникновения этих норм.

Исходя из вышесказанного, можно охарактеризовать «институциональную политическую экономию» как современный и независимый от мейнстрима вариант институциональной экономической теории. Основным предметом исследования в рамках предложенной исследовательской программы выступает сравнительный анализ сложившихся на различных территориях в различные периоды времени конфигураций институтов, определяющих параметры хозяйственного порядка. Ярким подтверждением этому служит тезис манифеста «К созданию политической экономии»: Одно из важнейших заключений институциональной политической экономии состоит в том, что никакой единственный с экономической точки зрения "наилучший путь" не существует и не может существовать. Нет никаких универсальных рецептов или технических решений, которые можно было бы применить вне времени и пространства, без детального изучения исторических, социальных и географических условий, без учета зависимости от первоначально избранного пути и понимания специфики конкретной хозяйственной системы»¹⁵.

Конфигурации институтов как предмет экономико-теоретического исследования

Характеристика конфигурации институтов требует определения содержания понятия институт. В этой связи представляется необходимым выделить «институты в узком смысле слова» и «институты в широком смысле слова». Последние представляют собой «институты в узком смысле слова» взятые в двухстороннем взаимодействии с индивидуальными и коллективными акторами. Только в рамках такого взаимодействия институты становятся «работающими» институтами, выступают как институциональная организация экономики и социума.

«Институты в узком смысле слова» необходимо рассматривать в единстве двух ныне преимущественно конкурирующих подходов: как «правил игры» в комплексе с механизмами инфорсменты (Д. Норт)¹⁶ и как самовыполняю-

¹⁴ Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. – 2008. – Т.9. №3. – С. 18-19 - <http://www.ecsoc.msses.ru>

¹⁵ Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. – 2008. – Т.9. – №3. – С. 20 – <http://www.ecsoc.msses.ru>

¹⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 18-19.

щихся конвенций, представляющих собой динамические равновесия, возникающие в ходе повторяющихся игр (Э. Шоттер и др.)¹⁷. Это противоречивое единство отражает то, что эволюция институтов всегда выступает как сложное переплетение и взаимодействия спонтанного отбора и коллективного выбора. Поэтому утвердившиеся институты всегда выступают для акторов, с одной стороны, как возникающие в ходе динамического отбора «внутренние» и поэтому самовыполняющиеся конвенции (особенно ярко выражен этот аспект в неформальных институтах), а, с другой стороны, через механизм коллективного действия институты приобретают для них «внешний» характер, превращаясь в «правила игры», поддерживаемые разнообразными механизмами инфорсmenta.

Центральным звеном конфигурации институтов выступают институты конституционного уровня, в совокупности образующих «хозяйственную конституцию». При характеристике конституционных институтов необходимо выделять два взаимосвязанных аспекта. Во-первых, они «конституируют» экономических субъектов, определяя их иерархию и распределение между ними прав на принятие фундаментальных решений и участие в контроле за исполнением этих решений. Во-вторых, с процедурной стороны, конституционные институты выступают как «правила принятия правил», поскольку определяют порядок принятия ординарных (неконституционных) правил и содержат правила и процедуры пересмотра существующей хозяйственной конституции.

Исследование закономерностей развития и функционирования конфигураций институтов, определяющих многообразие хозяйственных порядков, объективно требует перехода к управляемому методологическому плюрализму. Речь идет о плюралистическом подходе, основанном на «переходе от одного типа интерпретации к другому»¹⁸. Главным его достоинством является возможность рассматривать какую-либо проблему с разных методологических позиций, выявляя границы их применимости. В то же время для недопущения скатывания к обыч-

ной эклектике необходим поиск четких критериев сочетания инструментария разных методологических подходов в исследовании.

Исходным пунктом при поиске принципов сочетания инструментария разных подходов в рамках современной институциональной экономической теории выступает признание двухстороннего характера взаимосвязей между поведением человека, с одной стороны, и социальной и институциональной средой, с другой. В рамках избранного методологического подхода исследование конфигураций институтов приобретает многоуровневый характер. При этом на разных уровнях приоритет получают инструменты различных направлений экономической науки и смежных научных дисциплин.

Специфика предмета исследования определяет специфику используемых теоретических моделей. В рамках мейнстрима вербальные «мягкие» (софт) модели выступают ступенью на пути построения формальной модели. В альтернативной мейнстриму институциональной экономической теории:

1. «Мягкие» (софт) модели имеют самостоятельное, причем основополагающее значение, поскольку они позволяют обеспечить требуемую реалистичность анализа за счет включения многообразных факторов, определяющих рамки «содержательной рациональности» акторов экономического действия.

2. Среди формальных моделей наибольшее значение приобретают те, которые используют математический аппарат, позволяющий формализовать результаты качественного анализа.

В заключении необходимо отметить, что институциональная экономическая теория имеет сравнительные преимущества перед мейнстримом в исследовании экономик стран СНГ, поскольку позволяет комплексно проанализировать процессы трансформации институциональных структур на постсоветском пространстве.

Литература

1. Aoki M. *Toward a comparative institutional analysis* – Cambridge, London: The MIT Press, 2001.
2. Schotter A. *The economic theory of social institutions* – Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
3. Буайе Р., Бруско Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // *Экономическая социология*. – 2008. – Т.9. – №3. <http://www.ecsoc.msses.ru>
4. Вольчик В.В. *Институционализм: тор-*

¹⁷ Schotter A. *The economic theory of social institutions* – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – P. 11.; Aoki M. *Toward a comparative institutional analysis* – Cambridge, London: The MIT Press, 2001. – P. 26.

¹⁸ Леонтьев В. *Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: пер. с англ.* – М.: Политиздат, 1990. – С. 29.

жество междисциплинарности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований) – 2009 – Т.1, №1.

5. Дементьев В.В. Что мы исследуем, когда исследуем институт // TERRA ECONOMICUS – 2009 – Т.7, №1.

6. Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. – 2002. – №4.

7. Корнаи Я. Системная парадигма // Общество и экономика. – 1999. – №3-4.

8. Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: пер. с англ. – М.: Политиздат, 1990.

9. Либман А. Современная экономическая теория: основные тенденции // Вопросы экономики – 2007. – №3.

10. Макашева Н. Экономическая наука в России в период трансформации (конец 1980-х-1990-е гг.): революция и рост научного знания // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса [Текст] / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В. С. Ананьин (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др. – М.: ГУ ВШЭ, 2006.

11. Московский А. Институционализм: теория, основа принятия решений, метод критики //

Вопросы экономики – 2009 – №3

12. Мяки У. Является ли Коуз реалистом? // Истоки: экономика в контексте истории и культуры / Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред), О.И. Ананьин и др. – М.: ГУ ВШЭ, 2004.

13. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

14. Рёпке В. Коренные вопросы хозяйственного порядка // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий нелиберализм: Пер. с нем. / Составление, предисловие и общ. ред. В. Гутника. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

15. Розмаинский И. Методологические основы теории Кейнса и его «спор о методе» с Тинбергеном // Вопросы экономики. – 2007. – №4.

16. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. –1994. – Вып. 4.

Статья поступила в редакцию 24.05.2010

А.Н. ПИЛИПЕНКО, к.э.н., доцент

Национальный горный университет, г. Днепрпетровск

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Процесс институционального строительства, осуществляющийся уже более чем два десятилетия в странах постсоветского пространства, потребовал новых подходов к решению вопроса об экономической и политической роли государства. Пройдя путь демонтажа основ плановой экономики и форсированного либерализма, мы осознали тот очевидный факт, что институты свободного рынка и демократии, имплантированные в экономическое и политическое пространство постсоветских государств, не будут так же эффективно работать в нашей среде, как и в странах развитой экономики.

Стало понятным, что любые социальные трансформации не могут осуществляться без учета исторических особенностей каждой конкретной страны, ее национально-культурных традиций, господствующих мировоззренческих систем и доминирующих координационных институтов. Именно формирование механизма общественной координации оказалось наиболее значимой и, одновременно, наиболее сложной проблемой переходного периода.

Несмотря на активные исследования, предпринимаемые в последние годы как отечественными, так и российскими коллегами [1-3], проблема поиска оптимального соотношения рыночных и государственных механизмов в национальных моделях регулирования все еще остается далекой от своего окончательного решения. Традиционно в экономической теории рынок и государственное регулирование в качестве механизмов координации рассматриваются как силы, действующие в одной плоскости – больше рынка означает ослабление роли сознательного управления и, наоборот, возрастание масштабов государственного вмешательства в экономику расценивается как подрыв основ саморегулирования. Иными словами, некомпенсированное усиление одной из сторон механизма координации осуществляется, главным образом, за счет ослабления другой.

Целью данной статьи является поиск теоретических оснований доказательства того, что в реальности между государственным ре-

© А. Н. Пилипенко, 2010